

АНТОН ДЕЛЬВИГ

А А Дельвиг - об авторе

Дельви́г Анто́н
А А Дельви́г - об авторе

А.А.ДЕЛЬВИГ

Антон Антонович Дельви́г носил баронский титул, но ни имений, ни даже достатка, который можно было бы назвать личным, его родители не имели. Его отец происходил из прибалтийских дворян, почти всю жизнь прослужил в русских губерниях, принял православие и совершенно обрусел. Мать была из семьи адъюнкта Академии наук астронома Красильникова, солдатского сына. Антон Антонович Дельви́г родился в 1798 году в Москве. Друг А. С. Пушкина поэт и критик П. А. Плетнев вспоминал, что Пушкин и Дельви́г "всегда гордились этим преимуществом, утверждая, что тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судьей ни по части хорошего выговора на русском языке, ни по части выбора истинно русских выражений". Первоначальное образование Дельви́г получил в частном московском пансионе. 12 августа 1811 года, в один день с Пушкиным выдержав вступительный экзамен, Дельви́г становится воспитанником Царскосельского лицея. Вспоминая об этом периоде жизни Дельви́га, Пушкин пишет: "Способности его разви-

вались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы. На 14-м году он во знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения". Эта живость воображения, по-видимому, и сделала Дельвига поэтом. Спокойный, уравновешенный, Дельвиг не мешал товарищам считать себя безмятежным ленивцем; между тем в нем постоянно шла напряженная работа ума. Пушкин рассказывает, как проявлялась у Дельвига "живость воображения": "Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замыслова-

той, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покамест он сам не признался в своем вымысле". Но, передавая этот случай, Пушкин делает оговорку, характеризующую нравственный облик лицейского друга: "Дельви́г... никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания". Пушкин рассказал и о первых шагах Дельвига в поэзии. "Любовь к поэзии, - пишет Пушкин, - пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть Собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гёльти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием (здесь речь идет о В. К. Кюхельбекере. - Вл. М.); Горация изучил в классе под руководством профессора Кошанского... Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды: "К Диону", "К Лилете", "Дориде" писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в сборнике его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное

чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял". В 1814 году Дельвиг первым из лицеистов напечатал свои стихи. Талант молодого поэта не получил тогда особого призыва, Пушкин отмечает с горечью, что "никто не приветствовал вдохновенного юношу". Сам Пушкин уже в те годы отдал должное поэтическому дарованию Дельвига. В 1817 году, оскорбленный тем, что три его стихотворения, посланные в "Вестник Европы", были отклонены редакцией, Пушкин в своем послании "Дельвигу" в запальчивости отрекается от поэтической деятельности:

Нет, нет, ни счастьем, ни славой, Ни гордой жаждою похвал Не буду увлечен! В бездействии счастливом Забуду милых муз, мучительниц моих; Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом. Внимая звуку струн твоих.

Поэтическое чутье позволило Дельвигу, одному из первых, оценить пушкинский гений; еще в 1815 году он предрек юному поэту бессмертие:

Пушкин! Он и в лесах не укроется; Лира

выдаст его громким пением, И от смертных восхитит бессмертного Аполлон на Олимпе торжествующий.

По окончании Лицея Дельвиг, как и все лицеисты, поступил на службу вначале в Департамент горных и соляных дел, потом перешел в канцелярию министра финансов. Жалованье, получаемое Дельвигом, было недостаточным, он был вынужден поселиться на петербургской окраине вместе со своим другом поэтом Евгением Баратынским. Современник рассказывает об образе жизни двух друзей: "Оба поэта жили самым оригинальным, самым беззаботным и потому беспорядочным образом, почти не имея мебели в своей квартире и не нуждаясь в подобной роскоши, почти постоянно без денег, но зато с неистощимым запасом самой добродушной, самой беззаботной веселости". Между тем это было время большого творческого подъема, Дельвиг много пишет, с успехом разрабатывая жанры оды, элегии, сонета, романса; некоторые стихи, написанные им в духе русских народных песен, популярны и поныне: тут можно назвать песню на музыку М. И.

Глинки "Что, красotka молодая..." или "Соловей мой, соловей...", положенную на музыку А. А. Алябьевым. Некоторое время Дельвиг служил в Петербургской публичной библиотеке под непосредственным началом у Ивана Андреевича Крылова, занимавшего там должность библиотекаря. В 1825 году Дельвиг вышел в отставку, так и не сделав карьеры: все его интересы сосредоточивались на литературе. В 1818 году он стал членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, в следующем - литературно-политического дружеского кружка "Зеленая лампа", который объединял передовую дворянскую молодежь. Цель кружка состояла в пропаганде декабристских идей посредством литературы и искусства, его руководителями были будущие декабристы - С. П. Трубецкой, Ф. Н. Глинка, Я. Н. Толстой. В заседаниях кружка, помимо Дельвига, принимали участие Пушкин, Гнедич, Долгоруков, Всеволожский и другие.

Для нас, союзники молодые, Надежды лампа зажжена,

писал Пушкин о "Зеленой лампе". Несмотря на то что Дельвиг в своих убеждениях был

близок к декабристам, дружил с Рылеевым, А. А. Бестужевым, Кюхельбекером, членом тайного общества он не стал. Но до конца дней своих находился под тайным надзором полиции. С конца 1824 года Дельвиг начинает издавать альманах "Северные цветы", в который привлек лучшие литературные силы того времени. Главным в альманахе был отдел поэзии, в нем опубликованы многие произведения Пушкина, в том числе отрывки из "Евгения Онегина" и "Бориса Годунова", стихотворения Н. М. Языкова, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова, Ф. И. Тютчева. После разгрома восстания декабристов, когда самыми распространенными периодическими изданиями стали журнал "Сын отечества" и газета "Северная пчела", издававшиеся реакционными дельцами Булгариным и Гречем, Дельвиг, Пушкин и другие близкие к ним литераторы решили противопоставить им свое издание, которое проводило бы прогрессивные идеи и в какой-то степени было продолжателем декабристской периодики начала двадцатых годов. С 1 января 1830 года стала выходить "Литературная газета", редак-

тором-издателем которой стал Дельви́г. В "Литературной газете" печатались А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь, Е. А. Баратынский, Ф. Н. Глинка, А. В. Кольцов, в ней были анонимно напечатаны произведения некоторых декабристов "государственных преступников", находящихся в ссылке, тайно пересланные в Петербург. В то время как Булгарину и Гречу правительство разрешало помещать на страницах своих изданий материалы политического характера, Дельви́гу изначально было запрещено касаться в его газете политики. Это условие Дельви́гом соблюдено не было, за что его неоднократно в грубой форме распекал шеф жандармов Бенкендорф: один раз за то, что поместил в газете выражение "аристократов к фонарю", взятое из французской революционной песни, в другой раз - за упоминание о жертвах июльской революции 1830 года во Франции. Племянник Дельви́га сообщает, что Бенкендорф грозил "троих друзей: Дельви́га, Пушкина и Вяземского" - "если не теперь, то вскоре" упрянуть в Сибирь. Дело кончилось тем, что Дельви́г был отстранен от редактирования "Литературной

газеты". Это произошло в конце 1830 года, а в январе 1831 года Дельвига не стало: здоровье его было подорвано, как полагали современники, свалившимися на него неприятностями, он умер внезапно от случайной простуды. Смерть Дельвига потрясла Пушкина. В письме к Плетневу он писал: "Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. ...Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду - около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели..."

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как разнесся слух по Петрополю, Слух при-
скорбнейший россиянину, Что во матушку
Москву каменну Взошли варвары инозем-
ный.

То услыхавши, отставной сержант Подо-
звал к себе сына милого, Отдавал ему свой бу-
латный меч И, обняв его, говорил тогда:

"Вот, любезный сын, сабля острая, Неприя-
телей разил коей я, Бывал часто с ней во сра-
жениях, Умирать хотел за отечество

И за батюшку царя белого, Но тогда уже пе-
рестал служить, Как при Требио калено ядро

Оторвало мне руку правую.

Вот еще тебе копьё меткое, С коим часто я
в поле ратовал. Оседлай, мой друг, коня доб-
рого, Поезжай разить силы вражески

Под знаменами Витгенштейна, Вождя
славного войска русского. Не пускай врага ра-
зорити Русь Иль пусти его через труп ты
свой".

7 сентября 1812

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мне минуло шестнадцать лет, Но сердце
было в воле; Я думала: весь белый свет Наш
бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село: Кто он? от-
коль? не знаю Но всё меня к нему влекло, Всё
мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы Вкруг шеи обвива-
лись, Как мак сияет от росы, Сияли, рассыпа-
лись.

И взоры пламенны его Мне что-то изъяс-
няли; Мы не сказали ничего, Но уж друг друга
знали.

Куда пойду - и он за мной. На долгую ль
разлуку? Не знаю! только он с тоской Без-
молвно жал мне руку.

"Что хочешь ты? - спросила я, Скажи, пастух унылый". И с жаром обнял он меня И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять! Но рук не поднимала, На перси потупила взгляд, Краснела, трепетала,

Ни слова не сказала я; За что ж ему сердиться? Зачем покинул он меня? И скоро ль возвратится?

ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты Погибнуть иль любить, Когда желанья и мечты К тебе теснились шить.

Когда еще я не пил слез Из чаши бытия, Зачем тогда, в венке из роя, К теням но отбыл я!

Зачем вы начертались так На памяти моей, Единый молодости знак, Вы, песни прошлых дней!

Я горько доли и леса И милый взгляд забыл, Зачем же ваши голоса Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне, Хоть дышит в вас оно! С ним в промелькнувшей старине Простился я давно.

Не нарушайте ж, я молю, Вы сна души мо-

ей И слова страшного: люблю Не повторяйте ей!

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что, красотка молодая, Что ты, светик, плачешь? Что головушку, вздыхая, К белой ручке клонишь?

Или словом, или взором Я тебя обидел? Иль нескромным разговором Ввел при людях в краску?

Нет, лежит тоска иная У тебя на сердце! Нет, кручинушку другою Ты вложила в мысли!

Ты не хочешь, не желаешь Молодцу открыться, Ты боишься милу другу Заповедать тайну!

Не слышали ль злые люди наших разговоров? Не спросили ль злые люди У отца родного;

Не спросили ль супостаты У твоей родимой: "Чей у ней на ручке перстень? Чья в повязке лента?"

Лента, ленточка цветная, С золотой каймою; Перстень с чернью расписною, С чистым изумрудом?"

Не томи, открой причину Слез твоих горю-

чих! Порелей в мое ты сердце Всю тоску-кручину,

Перелей тоску-кручину Сладким поцелуем: Мы вдвоем тоску-кручину Легче растосуем.

1823

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей, Голосистый соловей! Ты куда, куда летишь, Где всю ночьку пропоешь? Кто-то бедная, как я, Ночь прослушает тебя, Не смыкаячи очей, Утопаючи в слезах? Ты лети, мой соловей, Хоть за тридевять земель, Хоть за синие моря, На чужие берега; Побывай во всех странах, В деревнях и в городах: Не найти тебе нигде Горемышнее меня. У меня ли у молодой Дорог жемчуг на груди, У меня ли у молодой Жар-колечко на руке, У меня ли у молодой В сердце миленький дружок. В день осенний на груди Крупный жемчуг потускнел, В зимнюю ночьку на руке Распаялося кольцо, А как нынешней весной Разлюбил меня милой.

1825

ИДИЛЛИЯ

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных

платанов, Первые чувства познали любви и, полные счастья, Острым кремнем на коре сих дерев имена начертили: Титир - Зои, а Титира - Зоя, богу Эроту Шумных свидетелей страсти своей посвятивши.

Под старость

К двум заветным платанам они прибрели и видят Чудо: пни их, друг к другу склонясь, именами срослися. Нимфы дерев сих, тайного силой имен сочетавшись, Ныне в древе двойном вожделеньем на путника воют; Ныне в тени их могила, в могиле той Титир и Зоя.

1827

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ (Русская идиллия)

Солдат Нет, не звезда мне из лесу светила: Как звездочка, манил меня час целый Оюнь ваш, братцы! Кашицу себе Для ужина варите? Хлеб да соль!

Пастухи Спасибо, служба! Хлеба кушать,

Солдат Быть так, Благодарю вас. Я устал порядком! Ну, костыли мои, вам роздых! Рядом Я на траву вас положу и подле Присяду сам. Да, верст пятнадцать Ушел я в вечер,

1-й пастух А идешь откуда?

Солдат А из Литвы, пз Виленской больни-

цы, Вот как из матушки России ладно Мы выгнали гостей незваных,- я На первой заграничной перестрелке, Беда такая, без ноги остался! Товарищи меня стащили в Вильну; С год лекаря и тем и сем лечили И вот каким, злодеи, отпустили. Теперь на костылях бреду кой-как На родину, за Курск, к жене и сестрам"

2-й пастух На руку, обопрись! Да не сюда, А на тулуп раскинутый ложися!

Солдат Спасибо, друг, господь тебе заплатит!-9 Ах, братцы! Что за рай земной у вас Под Курском! В этот вечер словно чудом Помолодел я, вволю надышавшись Теплом и запахом целебным! Любо, Легко мне в воздухе родном, как рыбке В реке студеной! В царствах многих был я! Попробовал везде весны и лета! В иных краях земля благоухает, Как в светлый праздник ручка генеральши И дорого, и чудно, да не мило, Не так, как тут! Здесь целым телом дышишь, Здесь все суставчики в себя впивают Простой, но сладкий, теплый воздух; словом, Здесь нежишься, как в бане старых бар! И спать не хочется! Играл бы всё До солнышка в девичьем хороводе.

3-й пастух И мы б, земляк, играть не отказались! Да лих нельзя! Село далёко! Стадо тк Покинуть без присмотра, положившись Лишь на собак, опасно, сам ты знаешь! Как быть! Но вот и каша поспела! Перекрестяся, примемся за ужин. А после, если к сну тебя не клонит, То расскажи нам (говоришь ты складно) Про старое свое житье-бытье! Я чай, везде бывал ты, всё видал! И домовых, и водяных, и леших, И маленьких людей, живущих там, Где край земли сошелся с краем неба, Где можно в облако любое вбить Крючок иль гвоздь ц свой кафтан повесить,

Солдат Вздор мелешь, малый! Уши вянут! Полно! Старухи врут вам, греясь на печи, А вы им верите! Какие черти Крещеному солдату захотят Представиться? Да ныне ж человек Лукавей беса! Нет, другое чудо Я видел, и не в ночь до петухов, Но днем оно пред нами совершилось! Вы слышали ль, как заступился бог За православную державу нашу, Как сжался он над Москвой горящей, Над бедною землею, не посевом, А вражьими ватагами покрытой, И раннюю зиму послал нам в помощь, Зиму с морозами, какие только В Нпко-

лин день да около Крещенья Трещат и за щеки и уши щиплют? Свежо нам стало, а французам туго! И жалко и смешно их даже вспомнить! Окутались от стужи чем могли, Кто шитой душегрейкой, кто лохмотьем, Кто ризою поповской, кто рогожей, Убрались все, как святочные хари, И ну бежать скорее от Москвы! Недэлеко ушли же. На дороге Мороз схватил их и заставил ждть Дня судного на месте преступления: У божьей церкви, ими оскверненной, В разграбленном анбаре, у села, Сожженного их буйством! - Мы, бывало, Окончив трудный переход, сидим, Как здесь, вокруг огня и варим щи, А около лежат, как это стадо, Замерзлые французы. Как лежат! Когда б не лица их и не молчанье, Подумал бы, живые на биваке Комедию ломают. Тот уткнулся В костер горящий головой, тот лошадь Взвалил, как шубу, на себя, другой Ее копыта гложет; те ж, как братья. Обнялись крепко и друг в друга зубы Вонзили, как враги!

Пастухи Ух! страшно, страшно!

Солдат

А между тем курьерский колокольчик, Вот как теперь, и там гремит, и таи Прозвякнет

на морозе; отовсюду Везут известья о победах
в Питер И в обгорелую Москву.

1-й пастух

Э, братцы, Смотрите, вот и к нам тележка
скачет, И офицер про что-то ямщику Кричит,
ямщик уж держит лошадей; Не спросят ли о
чем нас?

Солдат Помоги Мне встать: солдату вытя-
нуться надо.,.

Офицер (подъехав) Огня, ребята, закурить
мне трубку!

Солдат В минуту, ваше благородье!

Офицер Ба! Товарищ, ты как здесь?

Солдат К жене и сестрам Домой тащуся, ва-
ше благородье! За рану вчистую уволен!

Офицер С богом! Снеси ж к своим хорошее
известье: Мы кончили войну в столице вра-
жьей, В Париже русские отмстили честно По-
жар московский! Ну, прости, товарищ!

Солдат

Прощенья просим, ваше благородье! Офи-
цер уезжает.

Благословение господне с нами Отныне и
во веки буди! Вот как Господь утешил матуш-
ку Россию! Молитесь, братцы, божьи чудеса

Не совершаются ль пред нами явно!

"1829"

ГРУСТЬ

Счастлив, здоров я! Что ж сердце грустит?
Грустит не о прежнем;

Нет! не грядущего страх жмет и волнует
его. Что же? Иль в миг сей родная душа рас-
стается с землею? Иль мной оплаканный друг
вспомнил на небе меня?

1929

ПОЭТ

Долго на сердце хранит он глубокие чув-
ства и мысли; Мнится, с нами, людьми, их он
не хочет делить! Изредка, так ли, по воле ль
небесной, вдруг запоет он, Боги! в песнях его
счастье, и жизнь, и любовь, Всё, как в вине
вековом, початом для гостя родного, Чувства
ласкают равно: цвет, благовонье и вкус.

"1830"

-=*-

"Издревле сладостный союз...": Антология
поэзии пушкинской поры. Кн. II / Сост., вступ.
статья, статьи о поэтах и примеч. Вл. Мура-
вьева.-М.: Сов. Россия, 1984.- 352 с.

Сборник "Издревле сладостный союз..." яв-

ляется второй из трех книг антологии поэзии пушкинской прозы. В него вошли произведения поэтов ровесников А. С. Пушкина, творчество которых разбивалось параллельно с пушкинским.